

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Дейдра Макклоски:
неэкономический взгляд
экономиста на историю

Препринт М-40/14

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2014

УДК 330.3
ББК 65.011.3
3-29

Заостровцев А. П.

3-29 Дейдра Макклоски: неэкономический взгляд экономиста на историю / Андрей Заостровцев: Препринт М-40/14 — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 28 с. — (Серия препринтов; М-40/14; Центр исследований модернизации).

В тексте анализируется воззрение на историю и прогресс человечества, представленное в недавних фундаментальных исследованиях Дейдры Макклоски. Подчеркивается характерный для них нематериалистический взгляд на источник исторических изменений. Отмечается также связь взглядов автора с трактовкой истории Людвигом фон Мизесом. В первой части работы рассматривается полемика Макклоски практически со всеми известными на сегодняшний день концепциями, объясняющими прорыв западного мира к экономическому росту и благосостоянию. Во второй части представлена ее собственная теория, связывающая этот прорыв с радикальной сменой риторики, признавшей «буржуазные добродетели» и достоинство буржуазии. В заключительной части обращается внимание на тот факт, что из представлений Макклоски следует как отсутствие предопределенности хода истории, так и ее необратимости.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

Введение

В ряду наиболее значимых достижений экономистов в области объяснения истории несомненно следует назвать две книги Дейдры Макклоски (McCloskey, 2006, 2010a), особо выделив последнюю из них¹. В настоящее время готовится к выходу и третий (заключительный) том трилогии, общее представление о котором можно получить из введения к нему и его оглавления, выложенных автором на персональном интернет-сайте (McCloskey, 2014b).

Российские экономисты преимущественно знакомы с работами Макклоски, посвященными риторике экономической науки (Мак-Клоски, 2004; Макклоски 2011; 2012a)². Поднятая ею проблема риторики нашла отклик и в отечественных исследованиях (Расков, 2005; 2010). Менее известно ее обращение к ею же изобретенной новейшей области исследования — так называемой гуманомики (Макклоски, 2013). И лишь очень краткое представление о видении Макклоски причины торжества буржуазной экономики в известную всем эпоху промышленной революции можно получить из небольшой статьи в сборнике «Нравственность капитализма» (Макклоски, 2012б).

---

¹ С самого первого обращения к этой книге бросается в глаза подзаголовок «Почему экономисты не могут объяснить современный мир?».

² основополагающая работа Макклоски по риторике экономической науки (McCloskey, 1998) на русский язык не переведена.

Касаясь эволюции своих взглядов, она сама говорит, что они проходили следующие этапы: левый анархизм князя Кропоткина (в 14 лет), социализм в духе Джоан Баэз (в 16 лет), кейнсианская экономика (в 19 лет), экономика, основанная на инженерном подходе (в 21 год), экономика спроса и предложения (в 25 лет), полная принадлежность к чикагской школе экономики вплоть до $MV = PT$ (в 30 лет), австрийская школа экономики (в 48 лет) и, наконец, в 68 лет — гуманомика как экономика полноценных людей (McCloskey, 2011: 46).

В настоящее время Макклоски является профессором экономики и истории в Иллинойском университете, всемирно признанным специалистом в области экономической истории. Однако круг ее профессиональных интересов гораздо шире: она также занимает профессорские должности по коммуникациям и английскому языку.

По всей видимости, именно огромный интерес к знаниям в различных областях не смог удержать этого экономиста в узких рамках традиционного и самовлюбленного в себя магистрального направления современного экономического анализа. Выйдя за них, Макклоски обрела «имя собственное»: ее творчество мало похоже на рассуждения абсолютного большинства, включая и представителей широко популярной нортговской школы новой институциональной экономической истории. Оно сверкает новизной, оригинальными методами и подходами. С ней можно и нужно спорить, но нельзя не признать, что ее фундаментальные работы придают ей образ нового Фернана Броделя (1902–1985), если судить по масштабу личности и поставленных в научных трудах вопросов и решаемых задач³. При этом надо подчеркнуть, что идеологически Макклоски и Бродель — антагонисты. Первая явно склонна к либертарианству австрийской экономической школы, а в Броделе видят предшественника мир-системного анализа как одного из самых влиятельных левых течений современной общественной мысли.

Макклоски характеризует, в чем мы убедимся далее ни один раз, открытое и бескомпромиссное неприятие материалистического взгляда на

---

³ Эта высокая оценка — не преувеличение автора. Например, один из известнейших представителей современной австрийской школы (и одновременно виргинской школы политической экономии) Питер Беттке в рецензии на книгу «Буржуазные добродетели» констатировал, что «Дейдра Макклоски написала то, что должно быть признано в качестве наиболее амбициозной книги по политической экономии, опубликованной за столетия (возможно, и за целое столетие)» (Boettke, 2007: 85). А ведь потом последовала еще более значимая книга о достоинстве буржуазии, не говоря уже о предстоящей публикации.

историю. И тут обязательно следует обратить внимание на тот факт, что в выдвижении идей как источников исторической динамики у нее был великий предшественник — Людвиг фон Мизес. Она явно продолжает линию Мизеса, развивая его теорию истории (Мизес, 2007)⁴. Следуя экономистам австрийской школы, Макклоски решительно восстает против позитивистских конструкций неоклассической школы и всех ее последователей. На их место она поставила риторику⁵. Это обстоятельство нашло свое наиболее полное воплощение в теории влияния риторики на ход истории и экономическое развитие народов.

В первой части настоящей работы рассматривается критика Макклоски отличных от нее взглядов на истоки современного экономического роста и промышленной революции. При этом особое внимание уделяется ее полемике с новой институциональной экономической историей, представленной школой Дугласа Норта. Во второй части выделяются ключевые положения «теории истории» по Макклоски с ее упором на обновленную риторику, которая возвела на пьедестал буржуазные достоинства и тем самым дала мощный импульс свободе, инновациям, продвижению по пути «великого обогащения». В третьей, заключительной, части речь идет о предупреждениях и рекомендациях автора. Главное в них в том, что риторику легко поменять как в пользу прогресса, так и в направлении движения к социальному упадку. В этой связи предлагается не игнорировать, а, напротив, уделять самое пристальное внимание словам, могущим изменить мир.

Что мешает экономисту понять историю?

Макклоски неоднократно сравнивает экономическую историю человечества с лежащей на земле хоккейной клюшкой. Она имеет очень длинную рукоятку, которая видится как образ исторического периода в 2000 лет, когда человек жил в среднем на \$ 3 в день, и короткий загнутый крюк, относящийся к последним двумстам с небольшим годам, в течение которых его благосостояние в среднем увеличилось до \$ 33 в день. Это «Великое обо-

---

⁴ Подробно о теории истории Мизеса и австрийской экономической школы см.: Заостровцев, 2011.

⁵ Как отмечает в рецензии на ее последнюю книгу Джэк Хай, «в 1980-е годы она восстала против конструкций позитивизма в пользу риторического подхода, утверждая, что экономика — это не просто доказательство теорем и статистические выводы, но также аналогии, метафоры и повествование» (High, 2013: 347).

гашение» (McClosky, 2014a), старт которого условно датируется 1800 г., пока, как известно, необъяснимо. Точнее, все имеющиеся гипотезы на этот счет не получают сколько-нибудь широкого признания. Научный консенсус по данному вопросу никак не складывается.

Макклоски предлагает собственную оригинальную трактовку источника устойчивого экономического роста и, главное, его отправной точки, исходного импульса. Однако начать стоит с той критики, которой она подвергает экономическую теорию, поскольку, как говорится в подзаголовке книги о буржуазном достоинстве, эта теория не может объяснить современность. В чем же причина такой несостоятельности?

Если кратко, то в ее ограниченности. В чем она заключается? В неспособности видеть в человеке что-либо иное, кроме как действующего в условиях внешних ограничений максимизатора собственной полезности. Концепция *Max U* по Макклоски.

Она называет экономистов, придерживающихся такого видения человека, «самуэльсоновцами» (“*Samuelsonian*”). Название, как легко догадаться, происходит от фамилии известнейшего американского экономиста, нобелевского лауреата Пола Самуэльсона (1915–2009), подход которого «настаивает на том, что любой экономический вопрос можно рассматривать как проблему максимизации полезности стремящихся к ней индивидов при наличии ограничений» (McClosky, 2010a: 456). При этом она, следуя своей склонности к философско-филологическому анализу, называет неоклассическое видение человека как рационального агента и построенные на этом модели поведения характерной для него метафорой⁶.

Критике концепций истоков современного роста Макклоски посвящает большую часть своей последней книги. Начнем с того, что она делит их на две большие группы: накопительную, к сторонникам которой относится большинство неоклассических экономистов и значительная часть историков, и инновационную⁷. «Накопители» исходят из того, что решающим для ускорения роста после 1800 г. стало усиленное накопление капитала. В то

---

⁶ «Модель рационального выбора — главенствующая метафора мейнстрима экономической науки, побуждающая к мыслям о том, что “как если бы” люди действительно так и принимают свои собственные решения» (Макклоски, 2012a: 413). «Неоклассики <...> очень любят свою метафору, представляющую людей как счетные машины. Проблема в том, что они приписывают этой метафоре “позитивный” и “объективный” статусы» (там же). При этом «предполагается, что мир “похож” на сложную модель и его параметры похожи на легко вычисляемые и доступные показатели» (Макклоски, 2011: 294).

⁷ К разделяющим последнюю она относит Джоэля Мокира (Мокуг, 2002; в рус. пер.: Мокир, 2012); Джэка Голдстоуна (Goldstone, 2009; в рус. пер.: Голдстоун, 2014),

же время, относя себя ко второй группе, Макклоски ведет острую полемику со многими своими сторонниками. Так, например, возражениям Кларку посвящены целых три главы «Буржуазного достоинства» (главы 30–32). У Кларка ее возмутило то, что она называет социал-дарвинизмом и «культурным шовинизмом»⁸.

Однако начинает свою критику рассматриваемый нами автор, разумеется, не с книги Кларка, а с традиционных теорий, пытающихся объяснить так называемый Великий Факт (начало современного экономического роста) и выдвигающих на первый план роль бережливости, умеренности и накопления капитала (главы 14–19). Далее последовательно отвергаются в качестве претендентов на роль «первой скрипки» развитие транспортных путей и средств (глава 20), природные ресурсы и в особенности уголь (главы 21–22), торговля (главы 23–25 и 28), рабство, империализм и эксплуатация в целом (главы 26–27, 29); институты, такие как права собственности и политический плюрализм (главы 33–37); и наука (глава 38). Роль последней на начало промышленной революции была незаметна. Ведь «даже сегодня, как показывают расчеты, явно преобладающая часть экономического роста имеет мало или ничего общего с наукой» (McCloskey, 2010a: 360). В эпоху же развертывания этой революции паровая машина дала больше науке, чем наука ей.

Интересно чуть подробнее коснуться возражений Макклоски против исторических концепций новой институциональной экономики, поскольку, на первый взгляд, представляется, что у нее и Дугласа Норта с его соавторами (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) и последователями (Acemoglu, 2008; Acemoglu, Robinson, 2012; Allen, 2012 и др.) должно быть больше общего, чем различий. Но, по ее мнению, это не так. Их она также относит к «самуэльсоновцам». Основным характером в истории Норта является все тот же *Max U* — непривлекательный максимизатор полезности, или

Грэгори Кларка (Clark, 2007; в рус. пер.: Кларк, 2012) и Дугласа Аллена (Allen, 2012). (См.: McCloskey, 2010b.)

⁸ В книге Кларка «Прощай нищета» развивается следующая идея: имущие классы в Англии были гораздо более многодетны, чем остальное население. Отсюда многим из потомков приходилось не рассчитывать на наследство или «теплые места», а спускаться вниз по социальной лестнице. Данное явление несло буржуазные ценности в массы. Более того, такие ценности, возможно, даже «проникали в генетику», передаваясь из поколения в поколение. В дальнейшем это обернулось, по выражению Кларка, «хроническим культурным преимуществом». Многим странам поэтому трудно адаптировать разработанные в богатых странах технологии, поскольку они «рассчитаны на дисциплинированную и добросовестную рабочую силу, заинтересованную в результатах своего труда» (Кларк, 2012: 33).

Homo prudence (человек расчетливый)⁹. Ею она противопоставляет альтернативным концепциям человека в представлении других экономистов: например, *Homo ludens* («человек играющий»), по Йозефу Шумпетеру (1883–1950) и Фрэнку Найту (1885–1972). Или же видению человека, которое разделяют большинство не относящихся к экономистам исследователей общества: *Homo loquens* («человек говорящий»). Сама Макклоски солидарна с последними (McCloskey, 2010a: 297).

Критика нового институционализма «в стиле Норта» не ограничилась соответствующими главами книги, а, напротив, возобновилась в рецензии на книгу Аллена (McCloskey, 2013). Позиция автора отвергается за тот самый институционализм и, главным образом, за приписывание избыточного влияния британской публичной власти на успехи страны. Утверждается, что он (вместе с другими, включая Норта и его соавторов) верит, что могущественное британское правительство выступало предварительным условием экономического роста. По мнению же Макклоски, «оно являлось по преимуществу препятствием, в обычной манере смещая активность на поиск ренты и милитаристские траты» (Ibid.: 365).

Как негативный факт отмечается отсутствие межстрановых сравнений у Аллена, его заикленность на истории Англии. При этом почти аналогичное обвинение предъявляется Норту и соавторам его книги «Социальные порядки». Макклоски иронизирует, что книга, носящая «скромный» подзаголовок «Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества», очень неполно эту историю отражает. В ней присутствуют только Англия, Франция и США. Что же касается Аллена, то ему стоило ответить на вопрос: почему аристократия и служивый класс, которые, по его мнению, оказались столь благотворны для Великобрита-

---

⁹ Правда, в книге 2006 г. «Буржуазные добродетели» она чуть более снисходительна к Норту и его единомышленникам. Согласно ей, экономисты, подобные Норту, рассматривая недавно историю институтов, увидели, «что с 1500 года что-то происходило помимо максимизации полезности в ее узком определении» (McCloskey, 2006: 2). В своей рецензии на «Буржуазное достоинство» Беттке замечает, что ирония заключается в столь острой нацеленности критики автора на Норта. Работа Норта по ментальным моделям, его поворот к когнитивной науке и уход от строгой неоклассической модели выбора находятся в одном русле с тем, на что делает упор Макклоски. Беттке приходит к выводу, что критика Макклоски относится к Норту периода написания книги «Структура и изменения в экономической истории» (1981), а не к работе 2005 г. «Понимание процесса экономических изменений» (Voettke, 2012: 755). Впрочем, Макклоски с ним не согласилась бы, что видно из ее критического отношения и к последним работам Норта (McClosky, 2013).

нии, не привели к процветанию Османскую империю, Российскую империю, Японию в эпоху Токугавы и т.п.? (Ibid.: 366).

Подход Норта критикуется в первую очередь за преувеличенное, с точки зрения Макклоски, внимание к правам собственности. В частности, вопреки ему утверждается, что законодательство о контрактах и правах собственности было хорошо разработано и применялось в Англии даже еще до Эдуарда I, то есть до 1272 г. Возражает она и против известной позиции Норта, согласно которой изобретение патентов в Англии в 1618 г. внесло инновации в права собственности, повысило эффективность и, как следствие, вызвало промышленную революцию. Здесь приводится ссылка на работу Мокира (Mokyr, 2009), в которой, как заявляется, это утверждение опровергнуто (McCloskey, 2013: 367).

Особо непримиримое отношение демонстрируется к взглядам Асемоглу на институты как источник развития, в сжатом виде изложенным им в статье «Рост и институты» в «Новом словаре Пэлгрейва по экономике» (Acemoglu, 2008). И опять же лейтмотивом подробного их разбора выступают права собственности, которые, по мнению Асемоглу, лежат в основе экономического роста. Есть они (сейчас или в прошлом) — есть и рост, и наоборот. Макклоски же продолжает настаивать на том, что права собственности и прочие приписываемые позднейшим эпохам институты существовали давно (McCloskey, 2010a: 320–322). Завершает же полемику довольно типичный для нее упрек в незнании реальной истории, ошибочной трактовке темы роста и институтов в целом¹⁰.

Для Макклоски вообще типичен полемический прием, который можно назвать «А это уже было и не помогло». Если его расшифровать, то заключается он вот в чем. Находится исторический прецедент существования той или иной характеристики, которую тот или иной ее оппонент выдает за решающий фактор «Великого расхождения» Запада и Востока. Это хорошо видно как раз на примере критики институционалистов за их упор на права собственности. «Китай, например, — пишет она, — имел гарантированные права собственности на землю и коммерческие товары на протяжении тысячелетия» (Ibid.: 322). При династиях Мин и Цин (1368–1911) «право собственности и контрактов соблюдалось как для верхов, так и для низов, как это было на протяжении большей части китайской истории» (Ibid.). Итак, право собственности было, а промышленной революции не

---

¹⁰ «Короче говоря, Асемоглу воспринимает историю ужасающе неверно во всех важных аспектах, и его более широкая тема целиком ошибочна» (McCloskey, 2010a: 322).

было¹¹. Значит, делает вывод Макклоски, не оно оказывалось той искрой, которая радикально поменяла картину мира по причине резкого возвышения Запада (при этом, конечно, значимость прав собственности для успешного развития не ставится под сомнение).

Выступая на семинаре в Индии, Макклоски не смогла удержаться от демонстрации расхождения воззрений с Лалом, его оценкой значения второй папской революции¹². Возражение вполне естественное и само собой напрашивающееся: почему столь много времени прошло между этим событием и промышленной революцией? Главная же проблема в том, что эпоха модерна пришла именно из Голландии и Англии, но не из других европейских стран, которые, по идее, должны были быть ничуть не в меньшей степени затронуты папской революцией (McCloskey, 2014a).

Одно из основных возражений со стороны Макклоски новым институционалистами связано с неверной, по ее мнению, интерпретацией ими институтов как ограничений человеческого поведения. Институты у них выступают как некие дополнительные и экзогенные не денежные ограничения.

---

¹¹ По всей видимости, утверждение о правах собственности в далекие докапиталистические эпохи и особенно в Китае — самое слабое звено в аргументации против институционалистов. Индийский исследователь Дипак Лал пишет о расцвете Китая в эпоху династии Сун (XI в.), одновременно отмечая «хищническое партнерство между правительством и бизнесом», которое он обозначает современным термином «кумовской капитализм» (*crony capitalism*). В результате процесс достижения интенсивного экономического роста был прерван «из-за неудачи в обуздании хищнических рентоориентированных инстинктов государства» (Лал, 2007: 63). Можно лишь предположить, что воспитанному в англосаксонских традициях автору очень трудно понять колоссальное расхождение между формально декларируемыми правами собственности и реальной практикой, где сама личность человека не защищена от произвола государства, а следовательно, и его собственность, какими бы хорошими и четко прописанными юридическими законами она ни гарантировалась на бумаге. В современной России передел собственности в пользу наиболее близких к центру государственной власти лиц происходит именно через механизм ограничения свободы личности: от случаев с Владимиром Гусинским и Михаилом Ходорковским до текущего эпизода с Владимиром Евтушенковым. В качестве исторической аналогии можно вспомнить, что богатый крепостной крестьянин в России не был полноправным собственником своего богатства, поскольку как личность не принадлежал сам себе.

¹² В книге «Непреднамеренные последствия» индийский экономист пишет о так называемой второй папской революции, совершенной в 1075 г. Григорием VII, как о важнейшем факторе возвышения Запада. Папа издал буллу, в которой вознес церковную власть над светской. Церковь была поставлена выше государства, и тем самым ее права собственности становились неприкосновенными. Впоследствии такое отношение к правам собственности и другим необходимым рыночной экономике институтам распространилось, согласно видению Лала, на светское общество (Лал, 2007).

«С индивидуальной точки зрения эти ограждения свалились с неба» (McCloskey, 2010a: 298).

В противовес своим оппонентам Макклоски пишет о том, что не относящиеся к экономистам люди представляют культурную риторику¹³, такую как язык, в качестве ограничения и творения одновременно; как стимул и импульс, как согласование и искусство, как сообщество и разговор. «Институты не просто ограничивают человеческое поведение, задавая цены, на которые у людей есть стимулы реагировать. Они выражают человечность, придавая ей смысл» (Ibid.).

И лишь некоторые экономисты, принадлежащие к австрийской школе и старому институционализму, уловили, что институты имеют дело с человеческими смыслами. В частности, здесь Макклоски ссылается на Людвиг Лакмана (1906–1990). Так, язык (речь) рассматривается им как построенные мысли, поддержанное общественным одобрением и скрытыми разговорными смыслами (Ibid.: 302).

Центральным мотивом критики мейнстрима является его опора лишь на одно качество человека — расчетливость (*prudence*). Макклоски такая не отвергается и рассматривается как одна из добродетелей. Но только лишь одна из целого ряда других. При этом отмечается, что расчетливость присуща не только человеку, а, например, крысе, ищущей сыр, или даже ростку травы, пробивающемуся к свету. Однако такие качества (добродетели), как умеренность и смелость, любовь и справедливость, надежда и вера, свойственны исключительно человеку. «В отличие от расчетливости, которая характеризует любую форму жизни и квазизизни, вплоть до бактерий и вирусов, не связанные с ней качества являются характеристиками человеческой уникальности, а также человеческих речей и смыслов» (Ibid.: 303).

Норт же говорит об ограничениях и правилах игры, забывая, что они, будучи «выражены человеческим языком, имеют человеческие смыслы». Например, такое ограничение, как зажегшийся перед водителем красный свет, воспринимается по-разному в зависимости от отношения к государ-

---

¹³ Риторика определяется в широком и узком смыслах. Во-первых, как «все не сопряженные с насилием действия являются убеждением, *peitho*, пространством риторики, естественного согласия, взаимовыгодного интеллектуального обмена» (Макклоски, 2012a: 403). «Под риторикой понимаются изучение и применение убеждающих формулировок и выражений» (Мак-Клоски, 2004: 748). Во-вторых, «риторика — это выступление с речью перед аудиторией. Все речи, предназначение которых состоит в том, чтобы убедить других, являются риторическими» (Макклоски, 2012a: 415).

ству, дорожной полиции и т.п. Для некоторых он является успокаивающим, а для других — раздражающим фактором (Ibid.: 304).

Маккლოსки неоднократно (начиная с книги «Буржуазные добродетели» и даже ранее) выделяет перечисленные выше добродетели (проще говоря, качества человека), выходящие за пределы *Max U*, как неоспоримые и во многом решающие импульсы экономической деятельности. В бизнесе смыслы значат не меньше, чем любовь в браке, смелость в армии или справедливость в суде.

Если обратиться к традиционному представлению агентской проблемы, то здесь самый важный вопрос: откуда у менеджера возникают обязательства обеспечивать прибыль? По мнению Маккლოსки, они вытекают из факта его «этической ответственности». Да и в целом «агент хочет действовать потому, что он придает смысл собственной жизни в качестве менеджера, государственного служащего, экономиста или этического философа. Он — человек с собственной идентичностью, а не счетная машина *Max U*, подобная траве, бактериям или крысам» (Ibid.: 307).

Ограничения делятся на реальные (подобные тем, что имеются у *Max U*) и потенциальные, которые представляют собой символ или позор. Часто они проявляют себя и в виде самопрезрения (Ibid.).

Итак, подводя некоторые итоги, можно заметить, что основная претензия Маккლოსки к мейнстриму, к которому она относит и новых институционалистов школы Норта, заключается в сужении человека до «человека экономического». Это не значит, что расчетливость отсутствует или не является добродетелью. Однако не надо забывать и про остальные человеческие качества, также определяющие характер поведения. Ну а раз человек далек от *Max U*, то теория, принимающая обратное в качестве главной исходной предпосылки, не способна адекватно осознать исторический процесс и в первую очередь причину промышленной революции, появления устойчивого экономического роста и многократного увеличения благосостояния за последние 200 лет («Великого обогащения»).

Гуманомика, буржуазные добродетели и буржуазное достоинство

Маккლოსки в своих построениях опирается на новый для современной нам эпохи подход, который она описывает словом «гуманомика». Этот термин, как отмечает сам автор, был введен в работе «Буржуазные добродетели» и определяется ею кратко как «экономика с человеческим лицом»

(Макклоски, 2013: 37)¹⁴. Она задает вопрос: «Можно ли быть добродетельным и при этом участвовать в создании инноваций, проверенных рынком?» (там же: 38). Ответ на него дается, естественно, положительный.

Макклоски — апологет капитализма, в котором она видит колоссальный нравственный прогресс человечества¹⁵. По меньшей мере, по сравнению с предшествующими эпохами. «Буржуазные добродетели» — отнюдь не оксюморон, как полагает большинство, а реальность. В самом начале одноименной книги она заявляет: «Здесь (в книге. — А.З.) провозглашается, что современный капитализм не нуждается в свержении, чтобы быть хорошим. Напротив, капитализм может быть добродетельным. В падшем мире буржуазная жизнь несовершенна. Но она лучше, чем любая иная доступная альтернатива» (McCloskey, 2006: 1)¹⁶.

Макклоски категорически против романтизма, провозглашающего этическое превосходство образа жизни предков. Напротив, «рынки и даже сильно оклеветанные корпорации способствуют дружбе шире и глубже, чем атомизм полновесного социалистического режима или клаустрофобия и мертвящая атмосфера “традиционной” деревни» (Ibid.: 138). Во времена, когда царили древние добродетели чести и смелости воина, дружбу заводили ради того, чтобы защитить себя от нападения, в то время как в условиях буржуазных добродетелей мы доверяем незнакомцам и вовлекаем их в

---

¹⁴ В размещенной на персональном сайте Макклоски предварительной версии предисловия к третьему тому ее трилогии говорится: «Я защищаю вместе с Бартом Уилсоном из Университета Чэпмана, а также такими экономистами-предшественниками, как Альберт Хиршман, Кеннет Боулдинг, Фрэнк Найт, вплоть до благословенного Адама Смита “науку гуманомики”, то есть экономику, которая использует математику, и статистику, и эксперименты, но использует также и разъясняющие части фильмов, песни, историю, биографии, лингвистику, философию, теологию и исследования литературы» (McCloskey, 2014b).

¹⁵ Макклоски если и употребляет термин «капитализм», то всегда ставит это слово в кавычки. Согласно ей, оно вводит людей в заблуждение. По ее мнению, на смену ему должен прийти нездражающий термин «проверенные рынком улучшения и поставки» (*market-tested improvement and supply*) (McCloskey, 2014a). Здесь в плане критики Макклоски можно смело утверждать, что данное определение никогда не приживется ни в научной, ни тем более в обывательской риторике. Вся история человеческой мысли показывает, что устоявшимися становятся только краткие наименования, состоящие не более чем из двух слов. Кроме того, при прочих равных более выигрышно выглядит то понятие, которое определяют одним словом: сравните, например, «методологический индивидуализм» и «холизм».

¹⁶ Очевидна проводимая автором параллель со знаменитым высказыванием Уинстона Черчилля о демократии: «Демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени».

расширенный порядок разделения труда, что приносит нам выигрыш. Доверие и дружба являются одновременно и основой рыночной экономики, и побочным продуктом ее экспансии. В рецензии Беттке эта трактовка Макклоски названа «замечательным кругом добродетели» (Воеттке, 2007: 85).

Основное, что хочет сказать нам автор книги «Буржуазные добродетели», заключается в том, что нельзя сводить их только к одной — расчетливости. Без других она трансформируется в порок — жадность. Проверенные рынком инновации и поставки воспитали и иные добродетели, которые были перечислены выше. Более того, как отмечает Макклоски, капитализм действует без них плохо. Дело в том, что «институты работают успешно или неуспешно в соответствии с этикой субъектов, а не в соответствии с правилами игры» (McCloskey, 2014b). Утрата добродетелей опасна, ибо открывает путь к государственному интервенционизму под предлогом плохой работы рынков. В итоге «у нас есть выбор между коллективным благом, проистекающим от буржуазных добродетелей, и коллективным благом, поступающим в приказном порядке от правительства» (McCloskey, 2006: 48).

Деловой образ жизни лучше воровства (*dealing is better than stealing*). «Страны, где правит воровство, а не деловые отношения, становятся бедными и остаются таковыми» (Ibid.: 3). Капитализм же не несет ответственности за те беды, которые ему приписываются. Вопреки Марксу и его последователям утверждается, что «большинство бед были следствием *атак* на капитализм» (Ibid.). Так, например, войны — это реакция на него, а не результат его самого.

Освободив капитализм от приписываемых ему грехов, Макклоски заключает, что «рынки и буржуазная жизнь не всегда плохо для человеческого духа» (Ibid.: 4) и что «участие в капиталистических рынках и буржуазных добродетелях цивилизовало мир» (Ibid.: 26). Ознакомление с цитируемой выше книгой не вызывает сомнений, что ее проповедь нравственности капитализма по своей силе и убежденности не уступает знаменитой Айн Рэнд¹⁷. В то же самое время ее воззрения можно рассматривать как диаметрально противоположные многим критикам капитализма, но в первую очередь вспоминается Вернер Зомбарт с его «Героями и торгашами», где высшие человеческие достоинства ассоциируются с моралью воинствующих героев, а низменные человеческие качества с моралью мирных коммерсантов и обывателей (Зомбарт, 2005: 8–102).

---

¹⁷ «Нравственное оправдание капитализма в том, что это единственный уклад, созвучный природной разумности человека, гарантирующий человеку *человеческое* существование и руководимый принципом *справедливости*» (Рэнд, 2003: 33–34).

Решительный отход от неоклассической традиции привел Макклоски примерно к тому же видению истории, которого придерживался Мизес¹⁸. Причиной «возвышения Запада», как пишет Беттке, характеризуя точку зрения Макклоски, оказался «широко распространенный и значительный сдвиг в общественном мнении в отношении жизни и деятельности буржуазии» (Boettke, 2012: 754). В чем же заключался этот сдвиг?

Произошло то, что Макклоски называет «Буржуазной переоценкой»: «Двойное этическое изменение, придающее достоинство и свободу обычной буржуазной жизни, привело к господству смысла и восприимчивости, благодаря которым мы до сих пор извлекаем выгоду» (McCloskey, 2010a: 403). Для нее «современный мир не есть продукт новых рынков и постоянных инноваций, но результат изменившегося отношения к ним» (Макклоски, 2013: 38).

Главу о том, что изменило мир, верная риторическому подходу Макклоски назвала очень просто: «Это были слова» (McCloskey, 2010a: 385). Решающей оказалась радикальная перемена в «общественных разговорах» (*public talks*), отражавшая сдвиг в доминирующих идеях и общественном мнении. «Изменения в риторике породили революцию в том, как люди видят себя и как они видят средний класс, Буржуазную Переоценку. Люди стали терпимыми к рынкам и инновациям» (Ibid.: 386). Когда быть «буржуазным» в глазах общества стало не стыдно, а, напротив, достойно и почетно, был дан старт промышленной революции и современному экономическому росту¹⁹.

Макклоски констатирует: «Породившие и поддерживающие современный мир причины не были материальными. На удивление, это были идеи, новые экономические идеи свободы для рядовых людей и новая социальная идея, провозглашающая их достоинство» (McCloskey, 2014b). При этом особо подчеркивается бесплодность всех разновидностей «исторического материализма» как правого, так и левого толка (McCloskey, 2010a: XI). Попытки настоять на том, что переход в риторике от аристократически-религиозных к буржуазным ценностям должен иметь экономиче-

---

¹⁸ Мизес делал упор на то, что «идеи творят историю, а не наоборот» (Мизес, 2005: 81) и в этой же связи выделял решающую роль общественного мнения: «Общественная система, какой бы полезной она ни была, не может работать, если ее не поддерживает общественное мнение» (там же: 744).

¹⁹ Возражая Кларку, Макклоски подчеркивает: «Эффективны не коммерческие добродетели, наследуемые людьми, а коммерческие добродетели, *превозносимые* людьми» (McCloskey, 2010a: 274).

ские или биологические корни, определяются как «материалистически-экономический предрассудок» (McCloskey, 2014a)²⁰.

Итак, в основе величайшего поворота в истории человечества лежит риторика, провозглашавшая достоинство и свободу и ставшая в таком качестве обыденным явлением («повседневным разговором»). Достоинство и свободу трудно разьединить, но все-таки достоинство можно рассматривать как социологический фактор, а свободу — как экономический. «Достоинство имеет отношение к мнениям, которые другие имеют о лавочнике. Свобода относится к законам, которые его ограничивают» (McCloskey, 2010a: 11). Законы можно изменить без изменений в общественном мнении, и вместе с тем общественное мнение может меняться без изменения законов. Примером первого служит «сухой закон» в США, примером второго — мысль о независимости, обретавшая популярность среди колонистов Северной Америки (Ibid.).

И все-таки что важнее или, как это сформулировали бы марксистские философы, что первично: достоинство или свобода? Читателям недвусмысленно дается понять, что пальма первенства принадлежит достоинству. «Свободы, скажу я для просвещения моих либертарианских коллег, самой по себе недостаточно» (Ibid.: 404). Если не будет, говоря словами Шумпетера, «уважающей бизнес цивилизации», то свобода не поможет. И тут же приводится очень наглядный и трагический пример: евреи в Европе. Формально, в рамках законодательства, они в течение XVIII–XIX вв. были уравнены в правах с остальными гражданами, но презрительное отношение к ним и их занятиям со стороны общественного мнения привело в итоге к «окончательному решению» (Ibid.: 11).

В историческом плане обретенные для буржуазии достоинство и свобода стали для мира положительными экстерналиями. Они не только принесли благосостояние для всех, но и стали доступным образцом для подражания. Утвердившись изначально в Северо-Западной Европе, эти качества начали свое шествие по миру. Нельзя сказать, что триумфальное, но в целом довольно успешное. О чем свидетельствует хотя бы та же «ключка Макклоски».

Когда достоинство и свобода обретают реальные черты, то это порождает инновации. Одна из глав «Буржуазного достоинства» прямо так и на-

---

²⁰ «Историки экономики до сих пор не смогли открыть хотя бы одного материального фактора существенного для британской индустриализации» (McCloskey, 2010a: 168). «Коротко говоря, изменения в общественных идеях объясняют промышленную революцию. Материальные и экономические факторы <...> — нет» (Ibid.: 438).

зывается: «Либеральные идеи вызывают инновации». «Идея достойной и свободной буржуазии привела к идеям парового двигателя, массового сбыта и демократии» (Ibid.: 25). При этом люди стали толерантными к рынкам и инновациям (Ibid.: 390). В то же время именно инновации, а не простое наращивание промышленных инвестиций, имеют решающее значение в вопросах экономического роста (Ibid.: 133). И, соответственно, ведут к «Великому обогащению».

В итоге, опираясь на приведенные выше суждения Макклоски, попытаемся схематически представить ее видение развертывания цепочки событий, ведущих от двух тысячелетий застоя к современности (рис.).

Рис. Развитие по Макклоски

Все начинается с радикального изменения в риторике, в которой на смену одному герою (воину-аристократу) приходит другой (буржуа с его коммерцией). Обретая в общественном мнении достойный облик, он добивается свободы, ставя государство в узкие рамки служения во имя обеспечения общих гарантий хозяйственной жизни. Это создает условия для потока инноваций, выводящих на траекторию устойчивого экономического роста и, как следствие, порождающих немислимый прежде уровень массового благосостояния.

В изложенной концепции привлекают внимание два основных момента.

Во-первых, совершенно не характерное для экономиста полное освобождение от материализма: поиска неких «объективных» оснований решающего сдвига в человеческой истории²¹. «Попытки объяснить современ-

²¹ Кстати, социологи напоминают Макклоски, что если для экономистов такой освобожденный от материализма подход во многом нов, то для социологов он довольно обычен. Джошуа Маккабе заявляет, что экономической социологии есть что предложить в интересующих ее проблемах, и ставит перед Дейдрой целый ряд уточняющих вопросов, на которые она, желательно, должна ответить для конкретизации своего видения влияния идей на развитие (McCabe, 2012). По неизвестным нам причинам в своем комментарии на дискуссию по ее книге на страницах “Journal of Socio-Economics” Макклоски ответила всем ее участникам, кроме Маккабе

ный мир исключительно в рамках экономического материализма — будь то исторический материализм левых или экономические теории правых — ошибочны. Ключ к разгадке — идеи человеческого достоинства и свободы» (Макклоски, 2012б: 39).

И речь здесь идет не только о примитивном материализме в воззрениях на природу развития и отсталости, но и об институциональном подходе, где институты определяются как ограничения и одновременно стимулы человеческого поведения. «Экономисты хотят, чтобы Большое изменение было делом нортвовских “институтов”, потому что они желают, чтобы стимулы были главной историей промышленной революции и современного мира» (McCloskey, 2010a: 353). Природу этого «хотения» Макклоски видит в том, что «ограничения и стимулы» — язык, с первых шагов понятный воспитанным в самуэльсоновской традиции экономистам, в отличие от используемых ею добродетелей, достоинства и прочих вещей, представляющихся им некими фантомами. «Идентичность, честность, этика, справедливость, умеренность, профессионализм, идеология, идеи, риторика, любовь, вера, надежда не имеют ничего общего с чем-нибудь в экономике, — заявляют мои заблуждающиеся друзья» (Ibid.)²².

Во-вторых, в рассмотренной концепции философский идеализм доводится до логического завершения в виде объявления принципиального изменения риторики и отражающихся в ней идей источниками фундаментальных перемен в экономике, решающими импульсами развития. Не прибегая к оценочным суждениям в отношении видения мира «по Макклоски», заметим, что оно оказывается неуязвимым к критике по схеме «А это уже было и не помогло», которую, как отмечалось выше, активно

(McCloskey, 2012). Надо заметить, что работы социологов почти не представлены в ее книге; также нет ни одной ссылки на работу Мизеса «Теория и история», в которой впервые экономистом были высказаны мысли о решающей роли идей.

²² Макклоски так описывает представления своих многочисленных «друзей-экономистов» и даже специалистов в области экономической истории. Они «пришли к выводу, что воздействие идей на экономику осуществляется исключительно или в основном через вбирающие в себя стимулы “институты”». Они хотят, чтобы это было правдой, поскольку понимание институтов как ограничений легко укладывается в их подготовку экономистов-самуэльсоновцев» (McCloskey, 2010a: 351). Очевидно, что в этой же связи она отвергает предложение, высказанное в статье Клаудии Уильямсон, включить «достоинство и свободу» в расширенное определение институтов (Williamson, 2012). В ответе на это предложение говорится, что отнюдь не институты управляют человеческим поведением. «Главная проблема Норта и компании в том, что они игнорируют центральный факт человеческих обществ — язык» (McCloskey, 2012: 751).

применяет она сама по отношению к взглядам оппонентов. Дело в том, что идеи, соединяющие человеческие достоинства и свободы с буржуазным образом жизни, и отвечающие этому единению общественные настроения впервые появились во второй половине XVIII в. в Великобритании и ранее — в Нидерландах. Очевидно, что они — уникальный исторический феномен, не имевший прошлых аналогов²³. Рутинными же практиками (торговлей, инвестициями) или знакомыми человечеству за сотни лет до промышленной революции институтами, включая права собственности, объяснить взлет человечества к вершинам благосостояния за столь малую часть его истории действительно невозможно²⁴.

Предупреждения и рекомендации

Если, обернувшись широко распространенной в обществе риторикой, идеи могут породить прогресс, то они же могут и убить его. В этом суть предупреждений Макклоски. Впрочем, и здесь она не первооткрыватель. Мизес, первым выявивший решающую роль идей и общественного мнения в качестве творцов истории, еще в 1956 г. написал об антикапиталистической ментальности и тех угрозах, которые она с собой несет (Мизес, 2013: 259–377). И в этой связи Макклоски можно рассматривать как последовательницу великого австрийца. «Если новая риторика об инновациях — это то, что было причиной современного мира, то тогда вероятно, хотя логически не неизбежно, что с потерей идеологии можно потерять современный мир. Другими словами, Век Инноваций мог вести к антикапиталистическим идеологиям, которые могли разрушать инновации» (McCloskey, 2010a: 442). Среди таковых по факту фигурировали фашизм и коммунизм, а в более длительно существующей (хронической) форме — презрение творческой интеллигенции к буржуазии. Сегодня оно воплощается преимущественно в виде энвайронментализма. Все это являлось и

---

²³ В России до сих пор популярен веберовский миф о протестантской этике. Макклоски специально посвящает его критическому разбору целую главу «Буржуазного достоинства» (глава 16) и, обобщив результаты исследований, констатирует, что «связь между кальвинистской ортодоксией и бизнес-психологией постоянно опровергалась после того, как о ней написал Вебер» (McCloskey, 2010a: 145). Более того, сам Вебер отказался от этой гипотезы после 1905 г. (Ibid.).

²⁴ Противопоставить логике автора можно лишь схему: «А этого не было, потому и не помогло». См. приведенную выше противостоящую его убеждению точку зрения на права собственности в докапиталистические эпохи.

является реакцией на буржуазию и ее инновации, а также ее рациональный образ мышления (Ibid.)²⁵.

В свое время марксизм и прочие реакционные взгляды отравили политическую жизнь на 150 лет (Ibid.: 449). В настоящее время Макклоски более всего опасается энвайронментализма, называя его новой альтернативой (не в смысле противоположности, а в смысле иного воплощения той же, по сути, идеи) центральному планированию и новой гражданской религией, которая со школьных лет проникает в умы и даже в США вытесняет в качестве таковой буржуазную экономику (Ibid.: 433–434). В то же время системное изложение ею позитивного и негативного влияния идей еще предстоит увидеть. Напомним, что готовящаяся к выходу монография повествует о том, как рынки и инновации стали считаться добродетельными (1600–1848), а потом — подозрительными. Рубежной датой называется 1848 г. — год европейских революций (напомним, что это и год выхода «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса).

Предварительный разговор автора о готовящемся к изданию томе и его структуре (McCloskey, 2014b) позволяет нам заключить, что проделан серьезный конкретный анализ истории идейных течений и их последствий на основе методологических установок автора. Предупреждением об опасности оказывается, конечно, тот период, когда рынки и инновации стали подозрительными. Автор далеко не всегда может объяснить причину, по которой антирыночная идеология становится доминирующей. Мизес, например, выделял такие мотивы, как зависть и ненависть, и рекомендовал посвященное зависти исследование Гельмута Шека²⁶ (Хюльсманн, 2013: 700). Макклоски тоже упоминает зависть, но в целом, согласно меткому ее выражению, идеи — это «темная энергия истории» (McCloskey, 2010a: 447). Впрочем, Мизес тоже говорил, что об идеях можно сказать только то, что они появились²⁷. Макклоски, пытаясь ответить на вопрос, почему именно в Северо-Западной Европе утвердился капитализм, называет место появления идей и захват ими умов «черными лебедями»²⁸. Правда, упо-

---

²⁵ В другом месте она замечает, что «буржуазному разговору был брошен вызов, главным образом, путем апелляции к традиционным ценностям, аристократическим или религиозным, воплотившимся в теориях национализма, расизма, социализма, евгеники и энвайронментализма» (McCloskey, 2014a).

²⁶ Книга Шека недавно издана в русском переводе (Шек, 2010).

²⁷ «Идеи, — констатирует Мизес, — конечная данность исторического исследования. Об идеях можно сказать только то, что они появились» (Мизес, 2007: 167).

²⁸ Термин «черный лебедь» применительно к абсолютно неожиданному, но имеющему ключевое значение событию, получил распространение у экономистов с вы-

миная о том, что этот «лебедь» был реакцией мировоззрения на реформацию, переворот, революцию, чтение (McCloskey, 2014b).

В готовящемся к изданию труде кроме интеллектуального поворота как следствия реакции на 1848 г. рассматривается и дальнейшее перевоплощение буржуазных добродетелей в грехи по причине привязки их к антибуржуазным идейным течениям и принятия ими гипертрофированного характера. Так, например, национализм стал воплощением избыточной веры, а социализм — избыточной надежды. В то же время такая добродетель, как расчетливость, напротив, оказалась в дефиците у артистической богемы и интеллектуалов (McCloskey, 2014a).

И, наконец, в заключительной главе с интересным названием («То есть риторика сделала нас, но может легко и переделать нас»)²⁹ развивается мысль о том, что переворот в риторике не залегает глубоко в слоях культуры. Так, прорыв Индии к экономическому росту с 1991 г. после многолетнего застоя не сделал индусов европейцами — они и в 2030 г. будут поклоняться своим богам, как делали это в 1947 г. (год освобождения Индии). Этот поворот в экономической политике связан с риторикой, этикой, с тем, как люди говорят друг с другом (Ibid.).

Таким образом, позиция Макклоски в целом такова: риторику (в отличие от культуры) можно довольно быстро менять и сделать относительно массовой. Поэтому, с одной стороны, мы имеем сегодня такие феномены, как Китай и Индию с их ускоренным экономическим ростом³⁰. В то же самое время именно по причине способности риторики к быстрым изменениям не так уж невозможно все поменять и в обратном направлении. Таким образом, о необратимости исторических изменений говорить не приходится.

После всего сказанного нетрудно догадаться, что рекомендует Макклоски. «Признайте свободу и достоинство буржуазии и процветайте в удивительно высокой степени. Сопrotивляйтесь столь тривиальной идее, и предсказуемо стагнируйте» (McCloskey, 2010a: 397). Как видим, рекомендации даны на все вкусы. После ссылки на успехи Китая Макклоски предлагает

ходом в 2007 г. книги знаменитого нью-йоркского финансиста и исследователя финансовых рынков Насима Талеба с аналогичным заголовком (Талеб, 2014)

²⁹ На английском это сформулировано как: “That is, Rhetoric Made Us, but Can Readily Unmake Us”.

³⁰ «Большая Экономическая История нашего времени состоит в том, что Китай в 1978, а затем Индия в 1991 году усвоили либеральные идеи в экономике и стали признавать достоинство и свободу буржуазии, что ранее отвергалось. А затем и Китай и Индия взорвались экономическим ростом» (McCloskey, 2010a: XIII).

следующий рецепт: «Такой подвиг требует сдвига в риторике: прекратите сажать в тюрьмы миллионеров и начните восхищаться ими, прекратите сопротивляться созидательному разрушению и начните говорить хорошо об инновациях, перестаньте чрезмерно регулировать рынки и дайте возможность людям совершать сделки, коррумпированные или нет» (Ibid.).

В статье «Язык и интересы в экономике: Белая книга о “гуманомике”» приводится определение Шумпетером капитализма, данное им в статье для Британской энциклопедии. В ней он заявлял, что «общество называется капиталистическим, если оно доверяет руководить экономическим процессом частным бизнесменам» (цит. по: McCloskey, 2010c). Макклоски полагает, что это лучшее краткое определение, в сущности, оспариваемой ею концепции (имеется в виду не устраивающее ее слово «капитализм»), и отмечает, что доверие экономике бизнесменам, согласно Шумпетеру, влечет за собой частную собственность, частные прибыли и частный кредит. В этом, по ее мнению, заключается проблематичность перехода к капитализму в России, где сельскохозяйственная земля до сих пор не приватизирована, где частные прибыли все еще подвергаются преследованию со стороны государства, где бросают в заключение миллиардеров, где всех стригут под одну гребенку (*cutting down of tall poppies*).

Однако, согласно Макклоски, Шумпетер упускает в этом определении то, что «общество — или, в любом случае, люди, которые им управляют, — должны *восхищаться* бизнесменами» (Ibid.). И именно это восхищение добродетелями буржуазии отсутствует в России независимо от того, управляется ли она боярами, царями, комиссарами или секретной полицией (Ibid.). Несомненно, что Россия, пожалуй, одна-единственная из крупных стран, которая крайне плохо внимает рецептам процветания по Макклоски. Скорее, она следует ее представлениям о том, как организовать стагнацию³¹.

И вторая рекомендация Макклоски обращена к экономистам и вытекает из ее видения движущих сил экономики. «Оценки, мнения, разговоры на улицах, воображение, ожидания, надежды — это то, что движет экономику. Другими словами, вы не должны быть материалистами, отрицающими силу идей, только потому, что вы — экономисты» (McCloskey, 2010a: 8).

---

³¹ Доминирующее общественное мнение и риторика в России демонстрируют устойчивую «антикапиталистическую ментальность». В регулярных опросах «Левада-Центра», проводимых с 1997 г., россияне постоянно предпочитают экономическую систему, основанную на государственном планировании и регулировании, чем основанную на частной собственности и рыночных отношениях (Общественное мнение, 2014: 56).

Литература

Голдстоун Дж. (2014). Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории 1500–1850. М.: Издательство Института Гайдара.

Заостровцев А.П. (2011). История и развитие: трактовка австрийской экономической школы. Препринт М-23/11. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Зомбарт В. (2005). Торгаши и герои. Раздумья патриота // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Владимир Даль. С. 8–102.

Кларк Г. (2012). Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара.

Лал Д. (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.

Мак-Клоски Д.Н. (2004). Риторика // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИФРА-М.

Макклоски Д.Н. (2011). Риторика экономической теории // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / Я.И. Кузьминов (гл. ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 252–320.

Макклоски Д.Н. (2012а). Риторика этой экономической науки // Философия экономики. Антология / Д.М. Хаусман (ред.). М.: Издательство Института Гайдара. С. 399–418.

Макклоски Д.Н. (2012б). Свобода и достоинство — ключ к пониманию современного мира // Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей / Под ред. Т. Дж. Палмера. М.: Новое издательство. С. 36–39.

Макклоски Д.Н. (2013). Экономика с человеческим лицом, или Гуманомика // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. №. 3. С. 37–40.

Мизес Л. фон. (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.

Мизес Л. фон. (2007). Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум.

Мизес Л. фон. (2013). Антикапиталистическая ментальность // Хайек Ф. Капитализм и историки. Челябинск: Социум. С. 259–377.

Мокир Дж. (2012). Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Издательство Института Гайдара.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.

Общественное мнение — 2013. (2014). М.: Левада-Центр.

Расков Д.Е. (2005). Экономическая теория как риторика // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. № 3. С. 13–32.

Расков Д. (2010). Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 5. С. 81–95.

Рэнд А. (2003) Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение.

Талб Н.Н. (2014). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Хюльсманн Й.Г. (2013). Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М., Челябинск: Социум.

Шек Г. (2010). Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН.

Acemoglu D. (2008). Growth and Institutions // New Palgrave Dictionary of Economics / S.N. Durlauf, L.E. Blume (eds.). London: Macmillan Publishers. Vol. 2. P. 792–797.

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y.: Crown Business.

Allen D.W. (2012). The Institutional Revolution: Measurement and the Economic Emergence of the Modern World. Chicago: The University of Chicago Press.

Boettke P. (2007). Deidre McCloskey's the Bourgeois Virtues: Ethics foe an Age of Commerce // Economic Affairs. 2007. Vol. 27. N 1. P. 83–85.

Boettke P. (2012). A behavioral approach to the political and economic inquiry into the nature and causes of the wealth of nations // Journal of Socio-Economics. Vol. 41. N 6. P. 753–756.

Clark G. (2007). A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. Princeton: Princeton University Press.

Goldstone J.A. (2009). Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1830. New York: McGraw-Hill Higher Education.

High J. (2013). Deidre McCloskey, Bourgeois Dignity Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago (IL): University of Chicago Press, 2010 // Review of Austrian Economics. Vol. 26. N 3. P. 347–354.

McCabe J.T. (2012). What can sociology teach us about the ideational origins of modernity? Comments on McCloskey's Bourgeois Dignity // Journal of Socio-Economics. Vol. 41. N 6. P. 772–775.

McCloskey D.N. (1998). The Rhetoric of Economics. 2nd ed. Madison: The University of Wisconsin Press.

McCloskey D.N. (2006). The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce. Chicago (IL): University of Chicago Press.

McCloskey D.N. (2010a). Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago (IL): University of Chicago Press.

McCloskey D.N. (2010b). Humanomics: Values and Innovation. URL: <http://www.cato-unbound.org/2010/10/12/humanomics-values-innovation>.

McCloskey D.N. (2010c). Language and Interest in the Economy: A White Paper on “Humanomics”. URL: <http://www.deirdremccloskey.com/docs/humanomics.pdf>.

McCloskey D.N. (2011). A Kirznerian Economic History of the Modern World // Annual Proceedings of the Wealth and Well-Being of Nations. 2010–2011. Vol. 3 / Emily Chamlee-Wright (ed.). Beloit College Press. P. 45–64.

McCloskey D.N. (2012). A Liberal and Rhetorical Reply // Journal of Socio-Economics. Vol. 41. N 6. P. 749–752.

McCloskey D.N. (2013). A Neo-Institutionalism of Measurement, Without Measurement: A Comment on Douglas Allen’s The Institutional Revolution // Review of Austrian Economics. Vol. 26. N 3. P. 363–373.

McCloskey D.N. (2014a). The Great Enrichment Came and Comes from Ethics and Rhetoric // URL: <http://www.deirdremccloskey.org/docs/pdf/IndiaPaper McCloskey.pdf>.

McCloskey D.N. (2014b). Draft Preface for Final Volume of Bourgeois Era. URL: <http://www.deidremaccloskey.org/docs/pdf/NewMcCloskeyPreface.pdf>.

Mokyr J. (2002). The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press.

Mokyr J. (2009). Intellectual property rights, the industrial revolution, and the beginnings of modern economic growth // American Economic Review. Vol. 99. N 2. P. 349–355.

Williamson C.R. (2012). Dignity and Development // Journal of Socio-Economics. Vol. 41. N 6. P. 763–771.

Андрей Заостровцев

Дейдра Макклоски: неэкономический взгляд экономиста на историю

Препринт М-40/14

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 15.09.14
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность. В составе М-Центра работают специалисты, участвовавшие в подготовке книг:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:**
Oil, Gas, and Modernization. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

